

Социальные медиа, фейковые новости и совещательная демократия*

ХАБЕРМАС Ю. (2023). НОВАЯ СТРУКТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ И ДЕЛИБЕРАТИВНАЯ ПОЛИТИКА / Пер. с нем. Т. Атнашева. М.: НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ. — 104 с. ISBN 978-5-444-82197-8.

Сергей Ушкин

Кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Научный центр социально-экономического мониторинга; исследовательский менеджер, Всероссийский центр изучения общественного мнения; младший научный сотрудник департамента науки и технологий Национального исследовательского Мордовского университета
Адрес: ул. Б. Хмельницкого, д. 39а, Саранск, 430005 Российская Федерация
E-mail: ushkinsergey@gmail.com

В статье анализируются основные идеи одного из главных политических философов современности Юргена Хабермаса, изложенные им в его недавней работе «Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика». Несмотря на свой небольшой объем, она дополняет вышедшую в свет более 60 лет назад работу того же автора «Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества». Главным вектором трансформации публичной сферы Хабермас называет появление и взрывной рост влияния новых медиа, которые не просто расширили функционал традиционных источников информации, а ознаменовали собой новую в историческом масштабе веху, сопоставимую с появлением книгопечатания. Как отмечает Хабермас, у этого явления две стороны, и темная пока перевешивает. Например, общеизвестно, что социальные сети обещают каждому, что его голос будет услышан, и это, несомненно, важный шаг в развитии публичной сферы. Тем не менее декларируемая открытость на самом деле скрывает в себе еще большие риски, которые человечеству потребуются «приручить»: во-первых, отсутствие контроля при распространении новостного контента, следствием чего становится рост числа фейковых новостей; во-вторых, появление надгосударственных технокорпораций, использующих алгоритмы для манипулирования своими пользователями; в-третьих, размытие самого понятия «публичная сфера», поскольку продуцируемый пользовательский контент нередко лавирует между частным, приватным и публичным, общественным. Продолжая аналогию с книгопечатанием, Хабермас пишет о том, что с момента изобретения печатного станка до всеобщей грамотности в западных обществах прошло порядка 300 лет, и задается вопросом: сколько же лет потребуются нам, чтобы, по большому счету, научиться жить в эпоху новых медиа?

Ключевые слова: Юрген Хабермас, публичная сфера, социальные сети, фейковые новости, совещательная демократия

В 1962 году Юрген Хабермас выпустил в свет свою первую монументальную и амбициозную работу. В русском переводе она получила название «Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества» (Хабермас, 2016). Основную проблему он видел в том, что понимание

* Работа подготовлена в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 227800082, <https://rscf.ru/project/22-78-00082/>

публичной сферы долгое время было растворено во множестве теоретических конструктов, и поэтому хотел предложить ее концентрированный всеобъемлющий анализ с опорой на ретроспективный обзор основных тенденций ее развития. Базируясь на глубоком историческом материале, Хабермас пришел к выводу, что в процессе общественной эволюции доступ к информации (здесь, по его мнению, особая роль принадлежала публичным библиотекам, газетам, кофейням и клубам) и последующие возможности ее обсуждения коренным образом повлияли на системы публичной политики и государственного управления, поскольку широкое участие сделало возможным появление делиберативной, т. е. совещательной демократии.

В своем первоначальном варианте работа представляла собой вторую, хабилитационную диссертацию, которую еще молодой на тот момент исследователь планировал защитить во Франкфурте. Как говорил сам Хабермас, он «намеревался развернуть идеальный тип буржуазной публичной сферы... исходя из исторических контекстов английского, французского и немецкого развития в XVIII и в раннем XIX веках» (Хабермас, 2016: 10-11). Но текст был достаточно прохладно принят Максом Хоркхаймером, возглавлявшим в тот момент Франкфуртский институт социальных исследований. Защита диссертации все же состоялась, и весьма успешно, но уже в Марбурге и под руководством немецкого правоведа и политолога Вольфганга Абендрота, основателя ныне практически неизвестной за пределами Германии Марбургской марксистской школы (Calhoun, 1993: 4).

Многие сходятся во мнении, что из всех работ Хабермаса она в наибольшей степени может претендовать на статус «классической», поскольку именно с нее начинается особая традиция философских и социологических исследований публичной сферы (Юдин¹, 2017: 124). После первого перевода книги на английский язык в конце 1980-х гг. исследование было признано наивысшим стилистическим и аналитическим достижением социально-теоретической мысли так называемой «Франкфуртской школы», а количество цитирований в научных публикациях перевалило за 20 тысяч (Stewart, Hartmann, 2020: 170). Неудивительно, что сам Хабермас был вынужден, даже занимаясь другой проблематикой, неоднократно возвращаться к этой работе, в том числе — волей или неволей собирая обратную связь от коллег и скрупулезно анализируя не просто различные тенденции развития нашего общества, а встраивая их, как кусочки пазла, в теорию делиберативной, т. е. совещательной демократии. Например, тема эрозии публичной сферы, в том числе в контексте угрозы ее цифровизации и финансиализации, рассматривалась в некоторых его более ранних работах еще до того, как это стало мейнстримом (Хабермас, 2012: 126).

Символично, что спустя ровно 60 лет после публикации «Структурного изменения публичной сферы», в 2022 году в Германии выходит ее — назовем это расхожим словом из области массовой культуры — «сиквел» под названием «Новая

---

1. Включен в реестр иностранных агентов.

структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика», а всего через год работу переводят на русский язык (Хабермас, 2023). Главный вопрос книги в том, какие именно последствия несет в себе продолжающаяся цифровизация публичной сферы для будущего демократических обществ. Взвесив все «за» и «против», Хабермас приходит к выводу, что угрозы, исходящие от сетевых платформ, пока перевешивают их возможности.

Здесь стоит упомянуть, что еще на заре зарождения новых медиа ряд социальных исследователей возлагал на них большие надежды, которым, однако, не суждено было сбыться. Так, высказывались предположения, что обсуждение политических событий, вовлеченность пользователей в дискуссии по проблемам общества сыграют важную роль в процессах демократизации, поскольку выражают принципы свободы слова и способствуют формированию критического мышления (Mutz, 2006; Zuckerman, 2005). Несмотря на существующий оптимизм в отношении новой технологии, она скорее привела к отчуждению простых людей от реальной политики (Putnam, 2000), развитию у них слактивизма (или «диванного активизма»)² (Морозов, 2014), а политические дискуссии если и ведутся, то они скорее приводят к еще большей поляризации пользователей (Ушкин, 2014).

Книга Хабермаса состоит из трех глав, и представляет собой переработанные версии ранее опубликованных текстов (Habermas, 2018; Habermas, 2022a; Habermas, 2022b). В первой автор проводит ревизию существующих подходов к изучению политической публичной сферы и обновляет собственную концепцию в связи с вновь открывшимися обстоятельствами. Две другие посвящены делиберативной демократии, вносят важные дополнения и уточнения в предлагаемую им теорию. Кроме того, российское издание снабжено двумя вводными статьями — одной от Тимура Атнашева, другой от Татьяны Вайзер, — которые предлагают читателю краткий экскурс в мир идей Хабермаса.

Первая глава — «Размышления и гипотезы о новой структурной трансформации политической публичной сферы» — наиболее объемная, составляет почти половину всей книги, но она же является наиболее содержательной и «аналитической». Хабермас с самого начала задает правила игры и пишет, что публичная сфера представляет собой социальный феномен, далеко не исчерпывающийся своим функциональным вкладом в формирование демократической воли в конституционных политических режимах, и имеющий своей целью сохранение и поддержание совместной демократической жизни (с. 23). Природа ее нормативности, по мнению исследователя, проистекает из революционных преобразований XVIII века, благодаря которым стал возможен основанный на конституциях социальный порядок современного типа.

---

2. Под слактивизмом (от англ. *slacker* — бездельник и *activism* — активизм) понимаются такие действия, которые направлены на решение тех или иных социальных проблем, но не несут дополнительных трудозатрат и не имеют реальной практической пользы, размывая «низовую» активность. Классическими примерами слактивизма выступают лайки в социальных сетях, репосты и комментарии, а также подписание различных интернет-петиций.

Далее Хабермас анализирует роль средств массовой информации (впоследствии — и коммуникации) в демократических режимах, возлагая на них ответственность за формирование того, что он называет «общей волей». Важно отметить, что в своем понимании этой общей воли он, как кажется, куда более близок к Руссо и республиканской традиции, нежели к появившимся позднее исследованиям общественного мнения, предпринятым, например, Полом (Паулем) Лазарсфельдом и его коллегами (Lazarsfeld, Berelson, Gaudet, 1944). Ключевая задача медиа в делиберативных практиках видится немецкому философу в том, чтобы они поставляли профессиональную и объективную информацию, свободную от оценочных и тем более пропагандистских суждений.

Идея была настолько же хорошей, насколько и утопической. Постепенно мы становились свидетелями монополизации средств массовой информации и коммуникации, их поляризации по осям политического спектра и в конечном счете игнорирования альтернативных точек зрения. В исторической ретроспективе это привело к упадку рациональных дебатов, снижению качества политических дискуссий и, как следствие, политическому регрессу практически во всех, даже в старейших англосаксонских демократиях (с. 36). По большому счету произошла смена статуса профессиональной журналистики: она перестала быть независимой и вновь стала «придворной», что вызвало бурный рост недоверия к ней со стороны публики. Появился вакуум, который потребовал заполнения.

Это был более чем удачный момент для появления «новых медиа», кардинально изменивших привычные представления о производстве, распространении и потреблении информации. Подчеркивая этот аспект, Хабермас пишет, что цифровизация приобрела революционные масштабы, сопоставимые разве что с изобретением книгопечатания (с. 46-47). И далее он задается вполне логичным вопросом: *«Подобно тому, как печатный станок превратил каждого человека в потенциального читателя, так и цифровизация сегодня превращает каждого из нас в потенциального автора. Но сколько времени прошло, прежде чем все научились читать?»* (с. 50-51).

Прогнозы Хабермаса в отношении делиберативной политики и влияния на нее «новых медиа» достаточно мрачны, несмотря на то что последние дали миллионам людей по всему миру возможность быть услышанными, мгновенно обмениваться важной и необходимой им информацией и политически мобилизовываться. Проблема, по его мнению, заключается в том, что великое обещание освобождения меркнет ввиду различного рода появляющихся тут и там «демонических сущностей»: начиная от все более возрастающей значимости технологических корпораций, которые могут едва ли не противопоставлять себя государствам, и заканчивая гулким информационным шумом в самовоспроизводящихся и фрагментированных эхокамерах (с. 50).

Принципиальную новизну для публичной сферы Хабермас видит не столько в самих «новых медиа», сколько в их платформизации. Во-первых, это позволяет освободиться «от посредничества журналистов, играющих роль модераторов, а равно и от необходимости формировать повестку, чем занимались старые

СМИ», а во-вторых, дает «возможность всем потенциальным пользователям стать независимыми и равноправными авторами» (с. 48). Похоже, что это очень важный момент, но в большей степени значимый в свете воззрений другого уважаемого социального теоретика — Элвина Тоффлера, спрогнозировавшего стирание исторически сложившегося разрыва между производителем и потребителем, делаая возможным экономическую систему, сочетающую оба действующих фактора, так называемую «prosumer» economics (Тоффлер, 1999: 34). По большому счету именно эти идеи лежат в основе разработанного значительно позже концепта одноранговой экономики, наблюдаемого в современных распределенных системах — шеринга, блокчейна и т. д., на которые социолог ланкастерской школы Джон Урри, в частности, возлагает особые надежды не только по технологическому, но и социальному преобразованию будущего (Урри, 2018: 165).

Загвоздка заключается в том, что существенная роль в устранении этого разрыва принадлежит платформам, которые достаточно много требуют от пользователя (например, ввода персональных данных при регистрации, собирают и анализируют поведенческие реакции и т. д.), но при этом практически полностью исключают свою ответственность за распространение того или иного контента. Как высказался по их поводу левый интеллеktуал Ник Срнчек, они представляют собой не столько новую рыночную площадь, сколько базовую инфраструктуру, *опосредующую* (курсив мой. — С. У.) взаимоотношения между разными группами (Срнчек, 2020: 42).

Проявления подобной платформизации можно встретить повсюду, начиная от сервисов заказа такси и заканчивая биржами удаленной работы, что в ряде случаев повышает удобство для клиентов и увеличивает прибыль компании, но при этом способствует распространению прекарности. Дело в том, что подобного рода агрегаторы больше не являются работодателями в привычном смысле слова, а потому не несут сопутствующих рисков по «содержанию» — нет, более не наемных работников — привлекаемых «независимых подрядчиков» (предпринимателей, самозанятых и людей, нелегально трудящихся на рынке). Поэтому важно помнить, что как только читатель становится автором, равно как и прежний «работник» обретает иллюзорную независимость, то он оказывается в ловушке: предоставляемое платформами расширение прав и свобод оборачивается повышением ответственности перед другими акторами, которая в действительности не осознается.

Поскольку модель привратника, принятая в основе правил игры традиционных медиа, практически не работает в сетевых структурах, здесь происходит рост числа фейковых новостей, а так как пространство не является герметичным, то рано или поздно они становятся частью публичной политической сферы. Наиболее резонансные из них формируют, как пишет Хабермас, «демократию постправды» (вопрос о том, можно ли считать ее именно демократией, оставим на усмотрение автора). Он приводит данные «Евробарометра»³ о том, что большая часть опро-

3. Репрезентативный опрос населения 28 стран Евросоюза, данные на осень 2019 года.

шенных не верит в свободу СМИ от политического и экономического давления (41%), прямо заявляют о своем недоверии государственным СМИ (39%), а подавляющее большинство утверждает, что сталкивалось с искаженными или ложными новостями (79%) (с. 54).

Результаты наших собственных исследований, репрезентативных пусть не для России в целом, а для отдельного ее региона, показывают, что хотя бы однажды в течение последнего года фейки замечали две трети респондентов (65%), половина из которых (31%) сталкивались с ними не менее нескольких раз в неделю⁴. По всей видимости, можно говорить о том, что в такой неустойчивой информационной среде как когнитивные основы истины, так и нормативные основы демократии испытывают значительное напряжение, подвергаясь негативному воздействию не только со стороны различных форм релятивизма, но и наблюдаемого поворота общественных настроений к популизму (Susen, 2023: 845).

Единственное, что, согласно Хабермасу, можно противопоставить фейковым новостям, — журналистская добросовестность (с. 66). Провозглашаемый им императив можно сформулировать таким образом: мы в ответе за тех [монстров], которых создали и не смогли приручить. Именно поэтому он пишет о необходимости поддержания такой структуры современных СМИ, которая обеспечивала бы инклюзивность публичной сферы и делиберативный характер формирования общественного мнения и политической воли. И здесь ни в коем случае нельзя допустить, чтобы управление данными и вниманием заменили настоящую журналистскую работу. Еще ранее по этому поводу он замечал, что *«делиберативная модель позволяет провести спецификацию условий, при которых сфера политической публичности могла бы внести подобающий вклад в процесс легитимации, — прежде всего, относительную независимость самоуправляющихся медиасистем (1) и правильную feedback между гражданским обществом и коммуникацией, опирающейся на медиа (2)»* (Хабермас, 2012: 145-146).

Но тут-то как раз и обнаруживается еще один важный элемент, значительно отличающий нынешнюю публичную сферу от той, что была описана Хабермасом более 60 лет назад. Речь идет о постоянно растущей роли технокорпораций, которые не просто занимаются созданием и поддержкой платформ, но и прилагают определенные усилия по влиянию не только на своих пользователей, но и на политику целых государственных образований. Говоря словами социального исследователя Шошаны Зубофф, сейчас мы живем в эпоху надзорного капитализма, пришедшего на смену капитализму промышленному, где производство товаров и услуг подчинено новым «средствам модификации поведения» (Зубофф, 2022). Пожалуй, наиболее известный случай управления данными и вниманием пользователей представляет собой деятельность британской Cambridge Analytica, которая использовала персональные данные нескольких сот тысяч пользователей и миллионов их виртуальных друзей для того, чтобы манипулировать их поли-

4. Репрезентативный опрос населения Республики Мордовия, всего опрошено 1000 респондентов, данные на весну 2023 г. Более подробно результаты представлены в: Ушкин, 2024.

тическими предпочтениями. Несмотря на то что компанию буквально «поймали за руку», представив убедительные доказательства вмешательства в ход президентских выборов в США в 2016 году и в голосование за выход Британии из Евросоюза, сотни ее аналитиков продолжили свою работу в области манипулирования общественным мнением. Как отмечает специалист по этике искусственного интеллекта Карисса Велиз, намерение Cambridge Analytica и других подобных структур состояло в том, чтобы «подорвать демократию» по-настоящему (Велиз, 2023: 122).

По большому счету мы в очередной раз наблюдаем в действии старую добрую максиму римского сената «разделяй и властвуй». В эпоху повсеместного внедрения алгоритмов она не стала архаизмом, а, напротив, продемонстрировала свою эффективность, поскольку разделение аудитории на узкие политические группы и манипулятивное влияние на каждую из них в отдельности значительно упростилось. В логике самого Хабермаса подобные сетевые структуры, пусть и конструируемые по принципу общности интересов, образуют не более чем фрагментированную, временно созданную публичную сферу, которая детерминирована сугубо экономическими интересами. Следовательно, такие образования пусть и обладают достаточной степенью субъектности (например, к ним могут относиться и группы поддержки российского белоленточного движения), однако поскольку их деятельность не направлена на поддержку общих интересов, а они вовсе не стремятся к тому, чтобы услышать мнения оппонентов, их польза для делиберативной демократии не очевидна.

Ни для кого не секрет, что все социальные сети строят свои рекламные кампании на «экономике действия», где главным является так называемый принцип вовлеченности (Nosthoff, Maschewski, 2024: 182). Его реализация предполагает, что при производстве контента (неважно, носит ли он политический или коммерческий характер) рекламодателю предоставляется не только рекламное место, как это было в случае с традиционными медиа, но и возможность управления аудиторией исходя из количества «лайков», «репостов» и других подсчитываемых и подвергающихся дальнейшей алгоритмизации действий пользователей. Вследствие этого реакции пользователей становятся не только просчитываемыми, но протекающими из ответов на внешний стимул, что существенно размывает коллективную систему координат при формировании политического мнения. По сути, речь идет о новом «технологическом режиме социального» (Ловинк, 2019: 56).

Впрочем, вполне возможно, что последствия внедрения персонализированной рекламы, во всяком случае, при продвижении товаров и услуг, сильно переоценены. По некоторым данным, ее использование повышает продажи той или иной продукции всего лишь на 4% (Велиз, 2023: 141). По большому счету она практически неконкурентоспособна даже по сравнению с доцифровыми методами манипулятивного воздействия, но при этом в нее по-прежнему вкладываются значительные денежные ресурсы. Почему это происходит? Кажется, что ответ заключается в том, что персонализированная реклама давно перестала играть роль исключительно маркетингового инструмента, а стала в полном смысле этого слова соци-

альной технологией, осуществляющей перформативную репрезентацию социальной реальности. Например, в США с их сложносоставной политической системой ожесточенные противостояния на отдельных территориях зачастую ведутся и за меньшие доли избирателей, о чем красноречиво свидетельствуют результаты последних нескольких выборов. И, по всей видимости, технокорпорации не менее других лоббистских группировок хотят откусить лакомый кусок пирога.

Наконец, Хабермас задается вопросом о том, что же в конечном счете произошло с самой публичной сферой на фоне тотальной цифровизации и притязаний на власть со стороны влиятельных технокомпаний. По его мнению, «в ходе более или менее эксклюзивного использования социальных медиа восприятие публичной сферы у части населения могло модифицироваться настолько, что строгое разделение между “публичным” и “частным”, а значит, и инклюзивный характер публичной сферы исчезает» (с. 62). Проблема ему видится в том, что, в действительности, виртуальные пространства нельзя отнести ни к публичным, ни к приватным в полном смысле этого слова, поскольку изначально они были зарезервированы для личной переписки, но затем переросли в новый и, как это ни парадоксально, «интимный вид публичной сферы». Это кажется особенно примечательным в свете фиксируемой им в 1962 году *поляризации* (курсив мой. — С. У.) сферы социального и сферы интимного (Хабермас, 2016: 220).

Осуществляя прямые сетевые взаимодействия друг с другом, люди, по мысли Хабермаса, образуют самовоспроизводящиеся эхо-камеры и многочисленные пузыри фильтров, которые по мере достижения критического количества участников становятся все более герметичными для воздействия извне. Впрочем, сразу необходимо оговориться, что результаты последних исследований указывают на то, что эхо-камеры встречаются заметно реже, чем предполагалось ранее, а реальность пузырей фильтров и вовсе ставится под сомнение (Брунс, 2023). Вполне возможно, что здесь Хабермас преисполнен излишнего технопессимизма, перекладывая всю степень ответственности за неудачи делиберативной демократии на платформы и не считаясь с тем фактом, что главные фильтры в эпоху поляризованного мира находятся не в сетях, а в наших головах. Необходимо отметить, что еще в 2008 году он спрогнозировал фрагментацию национальных публичных сфер, которые попадут под влияние различных групп, воздействующих на пользователей, не вовлеченных непосредственно в политику (т. е., по сути, описал работу эхо-камер до их фактического появления) (Хабермас, 2012: 130).

Важно другое, а именно то, каким образом публичная политика реализуется в виртуальном пространстве социальных сетей. Пока они для этого принципиально не подходят, хотя в будущем подобный сценарий уже не будет выглядеть нереалистично. Ведь тогда, если следовать логике Хабермаса, утверждающего, что современность представляет собой своего рода *Lehrnprozess*, пройдет необходимое количество лет между революционными преобразованиями, начатыми новыми медиа, и периодом, в котором пользователи обучатся базовым правилам цифровой грамотности и гигиены. Во всяком случае, известные интеллектуалы именно в этом

усматривают будущее плебисцитарных демократических режимов (Юдин, 2020: 161). Главный фактор, который сдерживает развитие публичной сферы в социальных сетях, заключен, по всей видимости, даже не столько во фрагментарности аудиторий, сколько в отсутствии гарантий для «формирования конкурирующих, то есть качественно отфильтрованных голосов общественного мнения» (с. 65).

Необходимо отметить, что теория, разработанная Хабермасом, достаточно подвижна. Так, вторая глава — «Делиберативная политика. Интервью» всецело посвящена вопросам делиберативной демократии, в ней Хабермас разъясняет свои взгляды на эту бурно развивающуюся ветвь политической теории. Пожалуй, наиболее важные его высказывания касаются прояснения того, что же считать итогом политической дискуссии — выяснение предпочтений, согласие, консенсус или что-то еще (с. 71), а также допустимости включения в нее не только рациональных аргументов, но и нарративов, эмоций и риторических приемов.

Здесь Хабермас подчеркивает, что вся его теория публичной сферы основана на предположении, что главной целью достижения политического дискурса является достижение согласия (с. 77). По его мнению, эту предпосылку часто неправильно понимают или искажают, в особенности тогда, когда она изображается как некая форма коллективного идеализма. В действительности же, как отмечает исследователь, политические споры являются важной частью нашей жизни, и, может быть, в них и не рождается истина, но они учат людей самому важному — совместному существованию.

Каковы возможные ошибки в интерпретации философии Хабермаса? На этот вопрос он отвечает в третьей, заключительной главе — «Что означает “делиберативная демократия”? Возражения и ошибочные интерпретации», где акцентируется на том, в чем, собственно, заключаются возможности делиберативной демократии. Хабермас уверен, что называть ее чрезмерно идеалистической, а потому полностью отвергать, в корне неправильно, поскольку она должна служить неким ценностным ориентиром политического сообщества. Более того, он настаивает на включение в политику всех граждан, а не только экспертов, сложным языком описывающих общественные проблемы и дальнейшие пути развития, и решительно возражает против доминирующего скепсиса по поводу неспособности отдельных, как правило, депривированных слоев населения понимать политические послания (с. 95).

В то же время Хабермас указывает и на то, что делиберативная демократия априорно подразумевает установление конституционных режимов, базирующихся на подчинении простой воли граждан только тем законам, которые они сами себе устанавливают. В значительной степени он полагается на саморегуляцию политических систем, которая может давать сбои в периоды социально-экономической напряженности, например, войн, катастроф или эпидемий. Как отмечает исследователь, «перед лицом опасности, которая непредвиденно врывается извне и угрожает обществу в целом, государство должно предельно, а при необходимости и сверх меры напрячь силы солидарности граждан» (с. 87).

В конечном счете предлагаемая Хабермасом концептуальная рамка, пусть и не является новой, но именно она легитимирует ряд исследований в предметной области, посвященной новым медиа, социальным сетям и распространяемой с их помощью фейковой информации. Безусловно, цифровые исследователи сегодня далеко не те фрики, которыми раньше их за глаза могли назвать академические исследователи, но поддержка одного из ведущих интеллектуалов современности не является для них лишней. И если даже по тиражам «новая» трансформация не переплюнет «старую», то в том, что касается смыслового содержания — она здорово поможет разобраться с накопившимися за последние 60 с лишним лет проблемами публичной сферы.

Литература

- Брунс А. (2023). Реальна ли стена фильтров? / Пер. с англ. А. Архиповой. М.: Издательский дом ВШЭ.
- Велиз К. (2023). Сила конфиденциальности. Почему необходимо обладать контролем над своими персональными данными / Пер. с англ. Е. Павловой. Ростов-на-Дону: Феникс.
- Зубофф Ш. (2022). Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Пер. с англ. А. Васильева. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Ловинк Г. (2019). Критическая теория интернета / Пер. с англ. Д. Лебедева, П. Торкановского. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж».
- Морозов Е. (2014) Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети / Пер. с англ. И. Кригер. М.: Corpus.
- Срничек Н. (2020). Капитализм платформ / Пер. с англ. М. Добряковой. М.: Издательский дом ВШЭ.
- Тоффлер Э. (1999). Третья волна / Пер. с англ. М.: АСТ.
- Урри Дж. (2018). «Как выглядит будущее?» / Пер. с англ. А. Матвеевко. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Ушкин С. Г. (2014). Пользовательские комментарии к протестным акциям в русскоязычном сегменте YouTube // Социологические исследования. № 6. С. 127-133.
- Ушкин С. Г. (2024). Не только социальные сети: каналы распространения фейковых новостей в представлениях населения // Galactica Media: Journal of Media Studies. Т. 6. № 2. С. 162-176.
- Хабермас Ю. (2012). Ах, Европа. Небольшие политические сочинения, XI / Пер. с нем. Б.М. Скуратова. М.: Весь мир.
- Хабермас Ю. (2023). Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / Пер. с нем. Т. Атнашева. М.: Новое литературное обозрение.
- Хабермас Ю. (2016). Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества / Пер. с нем. М.М. Беляева. М.: Весь мир.

- Юдин Г. Б. (2016). Рецензия на книгу: Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. Т. 1. № 1. С. 123-133.
- Юдин Г. Б. (2020). *Общественное мнение, или Власть цифр*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Calhoun C. (ed.) (1993). *Habermas and Public Sphere*. Cambridge: The MIT Press.
- Habermas J. (2018). Interview with Jürgen Habermas. *The Oxford handbook on deliberative democracy* / A. Bächtiger, J. S. Dryzek, J. Mansbridge, M. Warren (Eds.). Oxford, UK: Oxford University Press. P. 871–882.
- Habermas J. (2022a). Reflections and hypotheses on a further structural transformation of the political public sphere // *Theory, Culture & Society*. Vol. 39. No. 4. P. 145–171.
- Habermas J. (2022b). Foreword. *Habermas and the crisis of democracy: Interviews with Leading Thinkers* / E. Pratto (Ed.). London, UK: Routledge. P. xiii–xix.
- Lazarsfeld P. F., Berelson B., Gaudet H. (1944). *The People's Choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign*. New York: Duell, Sloan and Pearce.
- Mutz D. C. (2006). *Hearing the Other Side: Deliberative versus participatory democracy*. Cambridge, MA: Cambridge University Press.
- Nosthoff A.-V., Maschewski F. (2024). The platform economy's infrastructural transformation of the public sphere: Facebook and Cambridge Analytica revisited // *Philosophy & Social Criticism*. Vol. 50. № 1. P. 178-199.
- Putnam R. D. (2000). *Bowling alone: The collapse and revival of American democracy*. NY: Simon & Schuster.
- Stewart E., Hartmann D. (2020). The New Structural Transformation of the Public Sphere. // *Sociological Theory*. Vol. 38. № 2. P. 170-191.
- Susen S. A. (2023). New Structural Transformation of the Public Sphere? With, against, and beyond Habermas // *Society*. Vol. 60. P. 842–867.
- Zuckerman A. S. (2005). *The Social Logic of Politics: Personal networks as contexts for political behavior*. Philadelphia, PA: Temple University Press.

Social Media, Fake News and Deliberative Democracy

Habermas J. (2023) *New structural transformation of the public sphere and deliberative policy* (trans. T. Atnashev), Moscow: New Literary Review. — 104 p. ISBN 978-5-444-82197-8. (In Russian)

Sergei G. Ushkin

Candidat of Sciences (Sociology), Leading Scientific Researcher, Scientific Center for Social and Economic Monitoring; Research Manager, Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Junior Researcher at the Department Science and Technology, National Research Mordovia State University
Address: Bohdan Khmelnytsky st., 39a, Saransk, 430005 Russian Federation
E-mail: ushkinsergey@gmail.com

The article analyzes the main ideas of Jürgen Habermas, which he outlined in his work «A New Structural Transformation of the Public Sphere and Deliberative Politics». It is a continuation of the work «The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society» published more than 60 years ago. Habermas sees the main vector of transformation of

the public sphere in the emergence and explosive growth of the influence of new media. The latter has not only expanded the functionality of traditional sources of information, but also become a symbol of a new milestone on a historical scale, comparable to the advent of printing.

Habermas notes that there are two sides to this, with the dark side still outweighing the benefits. For example, social media promises that each voice will be heard, which is, indisputably, an important step in the development of the public sphere. However, in reality, this declared openness is fraught with many risks. First, there is no control over the distribution of news content. Second, tech corporations are playing an increasingly important role, using algorithms to manipulate users. Third, the concept of the «public sphere» is becoming increasingly vague. Habermas continues the analogy with printing, describing how long it took humanity to adapt to it, and asks a logical question: how many years will it take us to learn to live in the era of new media?

Keywords: Jürgen Habermas, public sphere, social networks, fake news, deliberative democracy

References

- Bruns A. (2023) *Are Filter Bubbles Real?* Moscow: HSE Publishing House.
- Calhoun C. (ed.) (1993) *Habermas and Public Sphere*, Cambridge: The MIT Press.
- Habermas J. (2012) *Ah, Europe! Small Political Writings, XI*, Moscow: Whole world. (In Russian)
- Habermas J. (2016) *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*, Moscow: Whole world. (In Russian)
- Habermas J. (2018) Interview with Jürgen Habermas. *The Oxford handbook on deliberative democracy* (Eds. A. Bächtiger, J. S. Dryzek, J. Mansbridge, M. Warren), Oxford, UK: Oxford University Press, pp. 871–882.
- Habermas J. (2022a) Reflections and hypotheses on a further structural transformation of the political public sphere. *Theory, Culture & Society*, vol. 39, no 4, pp. 145–171.
- Habermas J. (2022b) Foreword. *Habermas and the crisis of democracy: Interviews with Leading Thinkers* (Ed. E. Prattico), London, UK: Routledge, pp. xiii–xix.
- Habermas J. (2023) *A New Structural Transformation of the Public Sphere and Deliberative Politics*, Moscow: New literary review. (In Russian)
- Lazarsfeld P. F., Berelson B., Gaudet H. (1944) *The People's Choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign*, New York: Duell, Sloan and Pearce.
- Lovink G. (2019) *Critical theory of Internet*, Moscow: Ad Marginem Press, Garage Museum of Modern Art. (In Russian)
- Morozov E. (2014) *The Net Delusion. The Dark Side of Internet Freedom*, Moscow: Corpus. (In Russian)
- Mutz D. C. (2006) *Hearing the Other Side: Deliberative versus participatory democracy*, Cambridge, MA: Cambridge University Press.
- Nosthoff A.-V., Maschewski F. (2024) The platform economy's infrastructural transformation of the public sphere: Facebook and Cambridge Analytica revisited. *Philosophy & Social Criticism*, vol. 50, no 1, pp. 178-199.
- Putnam R. D. (2000) *Bowling alone: The collapse and revival of American democracy*, NY: Simon & Schuster.

- Srnicek N. (2020) *Platform Capitalism*, Moscow: HSE Publishing House.
- Stewart E., Hartmann D. (2020) The New Structural Transformation of the Public Sphere. *Sociological Theory*, vol. 38, no 2, pp. 170-191.
- Susen S. A. (2023) New Structural Transformation of the Public Sphere? With, against, and beyond Habermas. *Society*, vol. 60, pp. 842–867.
- Toffler A. (1999) *The Third Wave*, Moscow: AST. (In Russian)
- Urry J. (2018) *What is the Future?* Moscow: Delo (In Russian)
- Ushkin S. G. (2014) Consumers' comments on protest actions in the Russian-language Youtube segment. *Sociological Studies*, no 6, pp. 127–133. (In Russian)
- Ushkin S. G. (2024) Not Only Social Networks: Channels of Dissemination of Fake News in the Views of the Population. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, vol. 6, no 2, pp. 162-176. (In Russian)
- Veliz C. (2023) *Privacy is Power. Reclaiming Democracy in the Digital Age*, Moscow: Fenix. (In Russian)
- Yudin G. B. (2016) Book Review: Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society, trans. by V. Ivanov. Ed. by M. Belyaev. Moscow: Whole world. Philosophy. *Journal of the Higher School of Economics*, vol. 1, no 1, pp. 123–133. (In Russian)
- Yudin G. B. (2020) *Public Opinion, or the Power of Numbers*, Saint Petersburg: Publishing House of the European University at Saint Petersburg. (In Russian)
- Zuboff S. (2020) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*, Moscow: Gaidar Institute Press.
- Zuckerman A. S. (2005) *The Social Logic of Politics: Personal networks as contexts for political behavior*, Philadelphia, PA: Temple University Press.